

Евгения Шестова*

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ЭТИКА ВЛАДИМИРА БИБИКИНА (ЧТЕНИЕ КАК СОБЫТИЕ)**

Получено: 17.05.2022. Рецензировано: 29.07.2022. Принято: 25.08.2022.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о специфической этике чтения, понимаемой не методически, а определяемой как праксис человеческой жизни, который должным образом отвечает событию чтения. На основании статей В. В. Бибикина из авторского сборника «Слово и событие» мы исследуем, какие характерные черты событийности обнаруживаются в чтении. В событии чтения мы понимаем, что не являемся источником языка — язык всегда существует до нас. Мы не можем претендовать на роль господствующего субъекта даже в понимании, оно всегда неабсолютно и погрешимо. Мы не управляем событием, но участвуем в нем. При этом в темпоральном отношении событие будет не чем-то принципиально новым, но узнаваемым в этой новизне как знакомое. Такое понимание события чтения требует соответствующей манеры действовать, которая рассматривается во второй части статьи. Герменевтическая этика предполагает не столько конкретное активное действие, сколько специфическую готовность откликнуться на сообщение мира и взаимодействовать с ним. Для этого мы должны жить, сохраняя неуверенность в понимании, не навязывая своих смыслов, и быть готовыми опознать услышанное как знакомое и в то же время новое. Это внимание, в свою очередь, влечет за собой готовность быть вовлеченными в новый мир, занять в нем место и исполнить мир услышанного, став его действующими лицами.

Ключевые слова: Бибикин, герменевтика, герменевтическая этика, чтение, событие.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-57-69.

Проблема, которая руководит нами в этой статье, — это проблема (необходимой или хотя бы возможной) герменевтической этики, этики понимания, а более узко — этики чтения. Мы хотели бы исследовать, как рассматривает эту проблему В. В. Бибикин — прежде всего в статьях из сборника «Слово и событие», составленного самим автором. В них мы постараемся выделить те антиметодические указания к чтению, которые дает Бибикин, чтобы мы могли понять написанное, не упустив событийного характера слова и чтения. Для очерчивания более

*Шестова Евгения Александровна, к. филос. н.; научный сотрудник, УНЦ феноменологической философии; доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), eschestova@gmail.com, ORCID: 0000-0003-4246-9256.

**© Шестова, Е. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

широкого контекста рассмотрения или прояснения отдельных моментов бибихинского понимания события или мира мы будем по необходимости ссылаться на его лекционные курсы и комментарии к ним.

Прежде всего мы хотели бы пояснить, почему мы называем эти «указания к чтению» этикой, ведь можно было бы говорить о методических указаниях к пониманию, герменевтических правилах. Но как раз то, что событие чтения захватывает всего человека — телесно, душевно, умственно, — отчасти побуждает нас к таким формулировкам. Конечно, мы не собираемся возводить этику к «моральным нормам» или правилам. Можно сказать, что словом «этика» мы обозначаем вопрос о человеческом действии, человеческом праксисе в перспективе возможного события, о котором пишет Бибихин, и мы хотели бы рассмотреть этот вопрос на опыте чтения и понимания.

При этом есть более широкая перспектива, которая привела нас к этой теме: герменевтика — в особенности философская герменевтика XX века, но и не только, — когда речь заходит о понимании, начинает использовать для описания этого процесса этические понятия доверия / подозрения, ответственности, уважения, доброй воли и т. д. Все они описывают взаимодействие с текстом, где вроде бы не присутствует непосредственно никакого другого человека. Можно предположить, что другой присутствует опосредованно — как автор, выражающий себя в произведении, — но даже тут речь никогда не идет о реальном авторе. Поль Рикёр вводит термины «герменевтика доверия» и «герменевтика подозрения», и это деление указывает не просто на различие в технике понимания, но на различие этическое — о допустимом и недопустимом в отношении слова. Дело не в том, что именно мы читаем, а в нашей собственной установке¹. Это и приводит нас к тому, чтобы явно поставить проблему герменевтической этики.

СОБЫТИЙНОСТЬ В ОПЫТЕ ЧТЕНИЯ

Если мы посмотрим, на каких примерах Бибихин говорит о языке, то увидим, что в качестве образцовых он приводит несколько способов использования языка: поэзию, философию, священные книги

¹Как пишет в статье, комментирующей это различие, Ратлен Джоссельсон, «контраст между герменевтикой восстановления и герменевтикой демистификации (термины Джоссельсон. — *Е. Ш.*) относится не к тому, что свойственно тексту, а к позиции интерпретатора» (Josselson, 2004: 5).

и закон (Бибихин, 2001: 276). Такие способы употребления языка могут, конечно, существовать и изустно, но все-таки предполагают, как правило, письменную фиксацию и чтение. Это, конечно, не означает, что есть какой-то набор «подлинных книг», скорее это указание на то, что для Бибихина будет парадигмальным примером использования языка² (см. там же: 46).

Для нас здесь важно, что, по Бибихину, встреча со словом, если посмотреть на парадигмальные примеры, обычно происходит в чтении. Какие черты событийности мы можем выявить в чтении?

Прежде всего, это характер языка как «априористического перфекта». В чтении мы наглядно сталкиваемся с тем, что слово всегда уже есть и мы не первые, кто им пользуется. Иногда мы не понимаем написанного и сознаем, что можем не владеть языком. Язык может не подчиняться нам, и собственно необходимость герменевтического усилия как раз возникает из того, что прочитанное с нами уже случилось и теперь требует от нас понимания.

Конечно, можно было бы сказать, что мы учимся языку постепенно: сейчас не понимаем, потом пойдем. Но сама возможность перечесть книгу и увидеть в ней что-то новое, открыть неоднозначность *одного и того же прочитанного* приводит нас к осознанию не просто прироста понимания, но своей позиции «ответчика», который никогда не может быть уверен, что понял все. В некотором роде мы одолжили понимание: оно обещано в предназначенной полноте языка, но теперь нам надо его достичь.

Во-вторых, чем поэтическое, философское сочинение или священная книга лучше выражения обыденного, повседневного? Тем, что в них слово используется не бездумно, не просто как инструмент³. Говорящему

²В то же время возникает вопрос о том, всякое ли слово может стать событием. Примеры Бибихина часто апеллируют к несомненным образцам: если он пишет о Платоне или о Библии, то легко согласиться с тем, что мы живем в событии Платона. Но относится ли то же самое к посту в Интернете? Будет ли он событием и где проходит разграничение?

³Как мы уже упоминали и как еще напишем дальше, речь не о том, что тот или иной род текстов обладает привилегией или что все тексты, которые можно именовать философскими или священными, отвечают указанной характеристике. Тем более речь не об их эстетической ценности: мы бы не стали называть внимание к работе языка чисто эстетической характеристикой, а скорее, напротив, рассматривали бы работу языка в художественном тексте как один из примеров такой заметной языковой деятельности. Здесь оговорка должна быть двоякого рода. Во-первых, поэтическая или философская работа наиболее требовательны к языку и так или иначе подразумевают его осмысление: даже если в философском тексте понятия используются сугубо инструментально, это приходится

приходится продумывать то, *как говорить*, а читателю, соответственно, приходится задумываться о функционировании языка.

Недаром Бибахин утверждает, что отказываться от понятия «авторитетных» текстов — как того хотела бы лингвистика — опасно для самого языка и для говорящих на нем — и не потому, что «язык испортится». Вернее, он «испортится», но не из-за отсутствия нормы, а из-за отсутствия «неправильности»: как раз без поэтического и философского языка нам было бы проще сделать язык закрытой системой, «терминоязыком» в словаре Бибахина, как пишет он в статье «Авторитет языка» (Бибахин, 2001: 57). «Авторитетное» прочитанное сочинение возвращает нас к языку как превосходящему нас именно за счет «неправильностей», сдвигов, новых возможностей языка, преодолевающих «понятность» мира. В некотором смысле авторитетное слово оказывается в сравнении с повседневным употреблением языка «ненормативным» словом⁴.

И это ведет нас к еще одной, третьей, характеристике события чтения, которую мы можем выявить в герменевтике Бибахина. В послесловии к авторскому (!) сборнику «Слово и событие» Бибахин называет себя «составителем» и «пишущим», а не автором, не говорит о себе в первом лице. И даже более того, пишет, что «для составителя было неожиданностью увидеть, что почти все [части сборника] говорят о слове, языке и речи в одном плане с событием» (там же: 275).

Такая способность удивиться даже собственному слову кажется нам очень точным указанием на то, что в чтении может произойти: зафиксированное слово доступно для перечитывания, пере-перечитывания, и в этом перечитывании мы встречаемся с языком как с тем, что говорит всегда больше, чем автор хочет сказать. Бибахин доверяет слову больше, чем самому себе. Сочинение не просто есть как «априористический перфект», оно не просто фиксирует мысль — мы говорим, но что-то говорится и помимо нас. Наше понимание может измениться; написанное обладает собственным смысловым горизонтом.

Такого рода *Wirkungsgeschichte*, действенная история слова, по Бибахину, в-четвертых, задает особую темпоральность понимания: событие

эксплицитно оговаривать. Во-вторых, как мы увидим, никакой текст не обеспечивает и не исключает того, что чтение его становится событием, речь может идти только о большей или меньшей провокативности текста, но в герменевтическом модусе существования мы действительно переживаем гораздо больше сообщений и событий. В этом смысле нельзя сказать, что Бибахин ограничивается упомянутым набором текстов — скорее, он выделяет их как самые показательные.

⁴Именно поэтому опасен «канон» авторитетных текстов.

понимания как будто заложено в написанном, но не развернуто и может быть никогда не развернуто, и в то же время мы способны принять в нем участие. В событии чтения мы захвачены тем, что уже как бы есть и обойдется без нас (книга), но в то же время чего-то от нас требует. Однако требует не для того, чтобы мы в него что-то добавили. Скорее слово требует «того, что во мне еще не готово», как пишет Бибахин в статье «Понимание божественного слова» (Бибахин, 2001: 51). Оно обещает нам некую полноту нас самих, то есть это не столько разворачивание (во времени), сколько исполнение, или наполнение (в нем совмещается новизна и узнавание «всегда уже бывшего» — мы всегда знали, но только сейчас поняли). Когда мы читаем стихотворение, нас поражают одновременно две вещи: поэт пишет что-то новое, неслыханное и в то же время знакомое — то, что мы проживаем и узнаем как описание нашего чувства или смысла. Мы узнаем себя, но узнаем что-то и о себе, и о мире, чего мы не узнали бы, не прочитай мы этого стихотворения.

Итак, подведем итог: какие черты событийности мы можем прожить в опыте чтения и как можем обобщить их?

- (1) «Априористический перфект» слова — язык всегда существует до нас, слово всегда уже есть. В более широком смысле это означает, что мы имеем дело со словом, которое уже есть.
- (2) Язык обладает авторитетом, и «авторитетный» текст мешает сделать язык инструментом, сохраняет одновременно полноту и открытость языка. В более широком смысле: перед событием мы осознаем шаткость и неабсолютность своего понимания, отказываемся от роли господствующего субъекта.
- (3) Слово всегда говорит больше, чем мы хотим сказать, и мы сами можем не понять сказанного нами. В более широком смысле: событием мы не управляем.
- (4) Понимание не дополняет написанное, но исполняет его. В более широком смысле: событие является новым не только как невиданное, а как узнаваемое в своей новизне.

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ЭТИКА

Нет сомнений, что герменевтика Бибахина антиметодична, но мы хотели бы рассмотреть, какие антиметодические подходы он предлагает для того, чтобы войти в событие чтения. Ключевой цитатой для нас будет отрывок из статьи «Толкование сновидений» (там же: 13):

У профессионалов сложились методы обращения с «философской литературой». Мы им не завидуем. Метод включает все в мою систему. В ней другие — уже мои, они или согласны со мной и подтверждают мою правоту или наоборот спорят со мной [...]. Читать, извлекая, что нам надо, мы и так всегда читали. Оставить другого другим (в обоих смыслах), такому чтению можно ли научиться?

Что можно увидеть в этой цитате? В чтении происходит выход в пространство взаимоотношений. И наша идея «герменевтической этики» состоит в том, что способ чтения оказывается способом действия в этих взаимоотношениях.

- ◊ Во-первых, в чтении Библихин написанное, рассматривает текст как Другого (причем одушевленного). Отношение с ним — это именно отношение с собеседником, не с вещью. Библихин вместе с тем, конечно, не имеет в виду под этим Другим автора.
- ◊ Во-вторых, чтение происходит в перспективе других, сообщения с другими. Метод предполагает, что мы уже отводим этим другим определенную роль относительно своей позиции. Герменевтическое же чтение подразумевает, что у нас нет внутренних оппонентов или поддержки, позиции других нам неизвестны и мы не размечаем их заранее.
- ◊ В-третьих, своим прочтением мы не просто «извлекаем, что нам надо», это прочтение как-то передается дальше. Мы не просто имеем в виду других, не вещаем им что-то — мы им что-то «оставляем», то есть передаем, и в то же время в этой передаче передаем не себя, но прочитанное.

Библихин, прочитывая Бахтина в статье «Слово и событие», не соглашается толковать событие исходя из субъекта, его единственности и готовности взять на себя ответственность за понимание: субъект не производит события (Библихин, 2001: 98 сл.). Но это не значит, что мы не можем подготовить возможность события. Как говорит Библихин: «Ожидание сообщения предполагает способность человеческого существа на поступок» (там же: 275). Ожидание сообщения требует не усилий по расшифровке, так как расшифровывать еще нечего. Это еще только ожидание — готовность услышать, которая требует от человека включиться в ситуацию, быть готовым ответить на услышанное поступком.

Чем отличается сообщение от «информации»? Как нам кажется, не содержанием высказывания, а модусом высказывания, а именно адресованностью. Мы воспринимаем что-то как сообщение, когда опознаем его как адресованное нам, учитывающее нашу ситуацию и наш

вопрос. Контекстная реклама может быть направлена на нас как на целевую аудиторию, но она не будет сообщением для нас, наоборот, она злит своей псевдоадресованностью, потому что выбирает в качестве критерия «адресования» какие-то случайные признаки, подделывает событие. Таким образом, мы, читая, должны быть готовы к сообщению: не вычитывать «что надо», а оставить Другого как он есть, но в то же время понимать, по какому критерию мы опознаем сообщение как адресованное нам — по тому, что оно нас затронуло.

В сообщении есть кто-то, кто нам что-то сообщает. Воспринимая прочитанное как сообщение, мы оказываемся в отношениях. Ключевой вопрос здесь, как нам кажется: есть ли этот «сообщающий» в случае чтения? Чтобы раскрыть этот аспект подробнее, привлечем статью «Герменевтика», в которой Бибахин продолжает говорить про понимание сообщения, обращенности.

«Илья слышит на улице свое громко произнесенное имя. Он оборачивается и видит, что окликали не его» (Бибахин, 2010: 241). И эта ситуация — вроде бы ситуация простой ослышки — для Бибахина оказывается важной, потому что, как он говорит, от нее у человека остается внезапное чувство стыда.

Стыдно, по-видимому, своей готовности думать, что мир вокруг меня весь обращен ко мне и только меня зовет. [...] Стыдно, что я оказался не готов это принять, и откликаюсь, словно я центр мира? (там же: 242)

Дело не в том, что человеку стыдно за свой эгоцентризм, за то, что он ждет от мира слишком многого. Для Бибахина, наоборот, этот стыд — этический маркер, ощущение того, что ты в понимании живешь недолжным образом, ненормальным: «...моей нормой, таким образом, оказывается состояние, когда не стыдно, обернувшись на любой оклик, видеть мир говорящим прямо и только мне» (там же). То есть

в настроении сильного увлечения другим человеком, захватывающим делом, в «поэтическом настроении», когда я расширен и не ощущаю себя одиноким, мне кажется, что все знают о моем состоянии и говорят обо мне, причем мне тогда не стыдно своего чувства, что всё кажется мне говорящим мне и со мной; жадно прислушиваясь, я тогда во всём вижу касающийся меня смысл (там же).

Итак, в должном, подлинном «поэтическом» настроении мы слышим или читаем любой текст как сказанный нам и как касающийся нас. Кажется, что в таком случае не столь важно, авторитетный это

текст или нет: газетная статья тоже может стать для нас сообщением. Я «не ощущаю себя одиноким», потому что нахожусь «внутри сообщения» как коммуникации. Мир — вот тот, кто говорит прямо и только нам, вот с чьей стороны мы воспринимаем обращение. Показательно, что в качестве примера Бибахин берет именно окликавание по имени — еще не содержательное сообщение, но чистую обращенность, чистую адресованность.

Мир обращается, потому что новый смысл мы не могли бы получить сами, он не наш, но он узнается нами. Нас окликают неожиданно, но мы узнаем в этом оклике себя. «Опыт иного дан раньше рассуждения и наблюдения в бытии присутствия как опыт самости» (Бибахин, 2010: 256). Слово (Другой) дано нам так, что оно затрагивает самость всю целиком (как мы уже говорили, философский текст смещает все понимание языка, соответственно, весь мир), поэтому и оклик оказывается как бы окликом со стороны мира, а не кого-то конкретного.

Этот переход от отдельного текста, «обращающегося» к нам, к обращению со стороны мира, который виден в рассуждениях Бибахина о чтении, будет затрагиваться им и в том, что он пишет о мире. Бибахин выходит к этому моменту, так сказать, «с другой стороны», когда говорит о том, что «человек нигде не узнает себя кроме как в опыте мира» (Бибахин, 2015: 65), соответственно, всякий подлинный опыт познания есть опыт познания мира. И на свои же собственные вопросы:

Правомерно ли появляется тут вдруг на месте отдельной вещи мир? Оправдан ли скачок? В одной вещи присутствует целый мир? Во всякой ли он будет присутствовать? Или действительно от любой (одной) вещи прямой переход к миру, если не прямо мир уже есть в ее единстве?

— Бибахин отвечает, истолковывая Шопенгауэра: «Мир это не обязательно много вещей, к нему есть прямой переход и от одной вещи» (там же: 69).

Мы, указывая на этот выход от чтения к миру, предлагаем феноменологически всмотреться в то, что стоит за «обращением со стороны мира», какие черты опыта чтения как сообщения подводят нас к тому, чтобы видеть в этом событии сообщение с миром. Нам кажется, что это — осознание себя всегда уже внутри сообщения даже при отсутствии конкретных собеседников, нелокализованность этого оклика (кто/что обращается?) и при этом тотальность: как мы уже говорили, смещение понимания затрагивает все миропонимание, смещается мир.

Обращение можно услышать во всякий момент и во всяком месте: мы уже поясняли, что оно не привязано жестко к какому-то виду текста, есть лишь более или менее действенные среди них. И так же нет привилегированных моментов и мест: мое прислушивание создает возможность услышать, но это не гарантировано.

Если окликающей личности нет, но кто-то обращается ко мне лично, если это обращение затрагивает мою ситуацию и меня целиком, если оно не приходит ниоткуда конкретно, то есть может прийти отовсюду, но при этом не несет в себе присутствия трансцендентного существа (Бога), то и оно может быть понято как обращение со стороны мира — внутри-мирное, но нелокализованное.

Но что это за восприятие мира как обращенного к нам? Означает ли это возможность поставить себя в центр мира и свести все смыслы к своим интересам? Наоборот, говорит Библихин, в таком понимании сообщения, в такой «сообщенности» с другими и с миром человек «участвует в событии всем существом», он полностью вовлечен в происходящее до самозабвения. Нет ли тут противоречия?

Нам кажется, что нет, потому что речь идет о том, чтобы, будучи окликнутым, услышать сообщение и предоставить себя оклику: услышать, куда этот оклик приглашает. Поэтому оклик со стороны мира — это оклик не со стороны конкретного человека, но указание на такое совершение мира, в котором есть для нас место. Выпадая из мира в эгоцентрическое замыкание, мы перестаем понимать. Герменевтическая этика требует от нас оставаться включенными в мир и готовыми занять то место, которое нам будет предложено.

Это вписывается в более широкое понимание этики у Библихина как этики подготовки, не-решительности, не-автономии. Как пишет А. В. Бабанов в статье, посвященной онтологической этике Библихина, «моя энтелехия как отдельного живого существа — это мир. Говоря иначе: увидеть свое индивидуальное бытие как внутримировое» (Бабанов, 2019). Автор анализирует курсы Библихина «Лес» и «Узнай себя»: в них мы находим идею этики как праксиса включения в онтологию мира. Библихинская концепция человека как живого автомата, встроенного в автомат мира (см. Бабанов, 2021), предполагает, что поступок основан не на каком бы то ни было решении и выборе, а на узнавании правильного поступка. При этом «формула своего, то есть свободного поступка точнее всего передается словами „не могу иначе“. Так может ответить только тот, кто видит необходимость единственного поступка» (Бабанов, 2019). Обыкновенно свобода понимается как свобода поступка, Библихин же

говорит об этике как о действии в видении «своего» и в этом смысле в отсутствие выбора. Свобода становится свободой для поступка. Так же и свобода интерпретации должна прежде всего стать открытостью для понимания, а затем готовностью реализовать это понимание, свободой от завершенного представления о тексте, о себе и о мире.

Если мы включаемся в новый мир, к какому поступку мы должны быть готовы? В той же статье «Герменевтика» Библихин отличает зачастую привычное нам понимание толкования как «перевода» или «пересказа своими словами» от толкования как «исполнения». Что значит «исполнить текст»? Исполнить сказанное в тексте, то есть быть готовыми занять новое место в мире.

Библихин показывает «исполнение» на примере молитвы: «Зазор между телом и смыслом выбирается. Непреображенный остаток рано или поздно тоже подчинится смыслу. Живое существо станет равно тексту» — пишет он в статье «Герменевтика» (Библихин, 2010: 239). Письмо культуры должно буквально войти в плоть и преобразить ее, задачей человека становится здесь исполнение уже существующего текста, подчинение тексту, его задачей оказывается стать толкуемым, тогда как текст оказывается толкующим. То есть в сравнении с Гадамером, у которого тоже есть понятие представления (*Darstellung*) произведения искусства⁵, задачей становится не просто выявление предрассудков и прояснение себя, речь идет не только о нас лично, но о том, чтобы дать место иному. В этом есть то парадоксальное узнавание, о котором мы уже говорили выше как о важной темпоральной черте событийности: мы читаем новое, неслыханное и в то же время говорим: «Наконец-то это сказано». В чтении мы узнаем себя не как уникальных, но опознаем себя. Как пишет А. В. Михайловский, рассматривая онтологический характер герменевтики Библихина,

в определении своего, самости первичным является не «приватное Я» (и его предметная отнесенность к вещам внутри мира), а отношение к целому миру, которое впервые порождает Я (Михайловский, 2015: 322).

Мы, читая должным образом, оказываемся захвачены уже существующим словом и начинаем исполнять мир своей деятельностью, не объясняя, но представляя его другим в своей жизни. Поэтическое, философское слово как бы взламывает наш мир, чтобы его перестроить

⁵См. «Истину и метод», раздел «Онтология произведения искусства и ее герменевтическое значение» (Гадамер, Бурува, 1988).

(но не только поэтическое и философское — все-таки мы призываем не ограничиваться чтением Платона).

Что меняется в мире, когда мы слышим оклик? В нем для нас начинает иметь значение то, что раньше его не имело. И далее мы живем в новом мире, в новой системе значимостей, предъявляя этот новый мир своей жизнью и другим тоже. В событии чтения определяются действующие лица, в каком-то смысле мы и сами переопределяемся как то или иное действующее лицо, узнаем, кто мы такие.

Итак, герменевтическая этика как праксис, соответствующий событию чтения, большей частью формулируется не в терминах добра и зла или должного и недолжного, а скорее описывает «установку», которая позволит полностью прожить и реализовать чтение. Мы говорим об «установке», поскольку речь идет не о действиях, а о готовности к действиям, о подготовке, которая позволит событию случиться. Если в первой части нашей статьи речь шла о чертах проживаемого события чтения, то во второй мы вслед за Бибихиным сформулировали, что создает возможности для такого события.

Соответственно, первое — это в принципе готовность жить в «шаткой» понятности мира без окончательных и прочных смыслов, готовность к их изменению.

Второе — это ожидание сообщения: ненавязывание «своего» смысла и готовность узнать, опознать «новое»-знакомое, прислушивание к тому, откроется ли что-то новое как уже понятное и знакомое.

Третье — готовность быть вовлеченными в мир и занять в нем новое место, по которому мы и будем постфактум опознаны.

Четвертое — готовность в ответ на услышанное исполнить мир, стать действующим лицом, передать мир другим.

Поскольку, как мы говорили, событие — это не то, чем мы управляем или что можем произвести своими силами, событийная этика чтения в варианте В. В. Бибихина будет скорее этикой подготовки к событию.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабанов А. В.* Онтологическая этика В. В. Бибихина // *Философия и культура*. — 2019. — № 11. — С. 65–79.
- Бабанов А. В.* Взаимосвязь онтологии и этики в философии В. Бибихина : автоматическая нравственность // *Философия : Журнал Высшей школы экономики*. — 2021. — Т. 5, № 1. — С. 125–131.
- Бибихин В. В.* Слово и событие. — М. : УРСС, 2001.

Бибихин В. В. Слово и событие : писатель и литература / под общ. ред. О. Е. Лебедевой ; сост. О. Е. Лебедевой. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, Университет Дмитрия Пожарского, 2010.

Бибихин В. В. Узнай себя. — СПб. : Наука, 2015. — (Слово о сущем ; 119).

Гадамер Г.-Г. Истина и метод : основы философской герменевтики / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова ; пер. с нем. И. Буровой. — М. : Прогресс, 1988.

Михайловский А. В. Онтологическая герменевтика В. В. Бибихина // *Stasis*. — 2015. — Т. 3, № 1. — С. 306–323.

Josselson R. The Hermeneutics of Faith and the Hermeneutics of Suspicion // *Narrative Inquiry*. — 2004. — Vol. 14, no. 1. — P. 1–28.

Shestova, Ye. A. 2022. "Germenevticheskaya etika Vladimira Bibikhina (chteniyе kak sobytiye) [Hermeneutical Ethic of Vladimir Bibikhin (Reading as Event)]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (3), 57–69.

YEVGENIYA SHESTOVA

PHD IN PHILOSOPHY; RESEARCH FELLOW, ASSOCIATE PROFESSOR

RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-4246-9256

HERMENEUTICAL ETHIC OF VLADIMIR BIBIKHIN (READING AS EVENT)

Submitted: May 17, 2022. Reviewed: July 29, 2022. Accepted: Aug. 25, 2022.

Abstract: In the article I wish to investigate the particular ethic of reading, considering this kind of ethic as life praxis, which responds in an appropriate manner to the event of reading. Relying on articles of V. V. Bibikhin from his volume *Word and Event* I examine the characters of event unfolded in reading event. In the reading I realize, that I am not the origin of language, it existed before me. I cannot pretend to be sovereign subject of sense-giving or even understanding, my understanding is finite and non-absolute. I do not rule the event, but have a part in it. The temporality of event is also complicate: it is not absolutely new — it is new, but at the same time it is recognized as familiar. This conception of reading demands a specific manner of action, which I consider in the second part of the article. The hermeneutical ethic does not mean the concrete act or series of acts, but the particular alertness to respond to the request message from the world and to communicate with the world. By living so, I hesitate to have any definite understanding, I do not insist on any meaning, I am ready to recognize the new sense as familiar and accept it as new. Such an alertness opens my readiness to be involved in the world, transmitted by reading, to take a place within it and to perform the transformed world by becoming an actor.

Keywords: Bibikhin. Hermeneutics, Hermeneutical Ethic, Reading, Event.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-57-69.

REFERENCES

Babanov, A. V. 2019. "Ontologicheskaya etika V. V. Bibikhina [Ontological Ethics of V. V. Bibikhin]" [in Russian]. *Filosofiya i kul'tura [Philosophy and Culture]*, no. 11, 65–79.

- . 2021. "Vzaimosvyaz' ontologii i etiki v filosofii V. Bibikhina [The Correlation Between Ontology and Ethics in V. Bibikhin's Philosophy]: avtomaticheskaya npravstvennost' [Automatic Morality]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 5 (1): 125–131.
- Bibikhin, V. V. 2001. *Slovo i sobytiye [Word and Event]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: URSS.
- . 2015. *Uznay sebya [Know Yourself]* [in Russian]. Slovo o sushchem 119. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2010. *Slovo i sobytiye [Word and Event]: pisatel' i literatura [Writer and Literature]* [in Russian]. Ed. by O. Ye. Lebedeva. Comp. O. Ye. Lebedeva. Moskva [Moscow]: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke / Universitet Dmitriya Pozharskogo.
- Gadamer, H.-G. 1988. *Istina i metod [Wahrheit und Methode]: osnovy filosofskoy germe-nevtiki* [in Russian]. Ed., with an introd., by B. N. Bessonov. Trans. from the German by I. Burova. Moskva [Moscow]: Progress.
- Josselson, R. 2004. "The Hermeneutics of Faith and the Hermeneutics of Suspicion." *Narrative Inquiry* 14 (1): 1–28.
- Mikhaylovskiy, A. V. 2015. "Ontologicheskaya germenevtika V. V. Bibikhina [Vladimir Bibikhin's Ontological Hermeneutics]" [in Russian]. *Stasis* 3 (1): 306–323.